

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Экран и сцена - 1994 - 26 мая - 2 часть (22)

7301 день Александра Исаевича

Солженицын возвращается в Россию.

Без всяких преувеличений — факт исторический. Ибо в своей материальности он абсолютно идеалистичен. Двадцать лет назад, когда его насильно выдворили из страны, это казалось навсегда. Даже еще несколько лет назад, когда все круто переменялось, и то его возвращение представлялось весьма маловероятным. Сначала по одной причине, потом по другой.

Первой как бы уже не существует, а вторая? Вторая конкретна — кто из узников совести, диссидентов, подписантов, свободомыслящих, растоптанных прежним режимом, скинув вериги с плеч, вернулся домой — к родному очагу ли, пепелищу или отеческим гробам? Любовь есть любовь, а жизнь есть жизнь.

Излюбленный жанр отечественной ностальгии — «Письма издалека». Сегодня же не надо тратиться на бумагу и обжигаться одиночеством перед чистым листом — твои мысли готовы передать сотни перьев интервьюеров, километры магнитофонной и видеоопленки.

В свое время моего коллегу Александр Исаевич Солженицын — в начале 60-х, в разгар своей короткой славы на родине — не пожелал принять, а репортаж «У Солженицына в Рязани» был напечатан в десятках провинциальных газет под грифом АПН. Правда, репортаж честный: что не сказал о себе школьный учитель, сказали о нем ученики и соседи. Автора хвалили, редактора (см. подпись внизу) тоже, потом припомнили и автору — Виктору Буханову, и редактору, когда снова переменялись времена, в чем их незрелость.

Извините за нескромность, но я горжусь, что на большом идеологическом хурале тогдашний председатель правления АПН сказал, как отрубил (и кончилось это практически увольнением): «В то время, как вся советская

печать бьет по Солженицыну из всех орудий, редакция, возглавляемая товарищем (см. подпись внизу), и не собирается выводить их на боевые позиции».

Хорошее время настало — орудий не нужно, требуются ракетницы для праздничного салюта. Повод действительно замечательный, но если честно — и тревожный тоже. Армада журналистов летит во Владивосток, откуда вместе с солнцем по стране начнет свое путешествие Солженицын. Дальновидные на всякий случай направляют лазутчиков в Магадан, где у самолета техническая посадка: а вдруг Александр Исаевич задержится там: как же не показать детям истоки гулаговского Архипелага? Богатые внедряются на рейс в Анкоридже — ну, это иностранцы, факт присутствия — великая вещь.

Кстати, о богатстве. Знаю от домашних одного крупного нашего прозаика, как того посетил Солженицын, и был гостеприимно принят, потчеван на изысканной посуде изысканными яствами, но сказал, уходя, сурово: «В наше время русский писатель не имеет права так жить».

А как имеет право жить русский писатель?

Солженицын, вкусив не по своей воле все прелести баланды, пайки, параша и ударного труда за колючей проволокой, обрек себя уже по своей воле на каторжный поденный литературный труд. Его политические и гражданские инвективы системе должны быть вычеканены на бронзе. Но то дань лишь уму, несгибаемости, смелости и материалистичности. Идеалистичность в нем я ценю выше — он поставил себе целью низвергнуть эту систему художественно. И преуспел в этом немало.

Сегодня он вернулся в страну, в которой никогда не был, как бы ни тревожился двад-

цать лет изгнания ее бедами. И жить он будет в ней так, как должен жить большой русский писатель — в своем, а не казенном доме. И начнут — с Анкориджа, Магадана, Владивостока — рвать его в клочья: а что вы думаете, как вы считаете, как вы полагаете? И тянуть, по мере приближения к столице, в свои партии, течения, группировки.

«Жить не по джи» — можно ли сказать точнее и проще? Он это сказал, и вряд ли кто бросит в него камень, что дескать... Хотя может и не соглашаться, и быть оппонентом. Таких, я думаю, наберется немало.

Он уехал из страны, в которой лучше слышали, чем видели. Он вернется в страну, в которой видеть стали намного лучше, слышать хуже, а говорить так и не научились.

Но его, я не сомневаюсь, захотят послушать. Услышат ли?

Я далеко не уверен, что и сам обязательно соглашусь с ним. Но в новейшей и быстротечной российской истории настает ответственный момент, схожего которому по масштабу не было. Ни в близком, ни в далеком прошлом.

Когда-то был приезд Горького, обернувшийся фарсом. В том, что у Солженицына не будет умильных слез, зная его характер, можно не сомневаться.

Но что увидит, услышит и скажет он, знающий, как нам обустроить Россию, столкнувшись с нею сегодняшней?

Однажды он стал пророком, хоть говорят, что таковых не бывает в своем Отечестве, предсказав и свое возвращение, и крах системы.

Вот он и вернулся. Но сколько же может длиться крах?

Ал. АВДЕЕНКО.

26.05.94

Солженицын А

116